

Непрощенный

Джун Мотидзуки

Джун плохо помнил, что произошло за те несколько дней с момента как созданный им же самим огонь поглотил тело Яреци до его возвращения в Японию. Кажется, он постоянно что-то делал, решая вопрос с транспортировкой праха, а, может, просто ныл и жаловался жене, без которой пережить все это было бы в разы сложнее. Но, наверное, это было и не важно. Звонок дяде, которого Джун так боялся, прошел как-то сам собой, да и все остальное решилось намного проще, чем он представлял изначально, позволяя ему в назначенный день и час сесть в самолет. Сначала в один, затем в другой и, наконец, оказаться в Японии, куда представитель молодого поколения Мотидзуки еще недавно очень хотел отправиться с женой. Но сейчас, по собственной инициативе, он был один, а точнее в компании того, что осталось от тела девушки, во многом благодаря которой Джун в свое время и оказался в монастыре.

В аэропорту, как и договаривались, его встретил дядя с обычным каменным выражением лица. Но хоть Мотидзуки Тору умел мастерски прятать свои эмоции, хорошо его изучивший племянник прекрасно заметил мельчайшие подрагивания мимических мышц, выдающих истинное отношение мужчины ко всему происходящему. И от этого на душе становилось еще противнее, поскольку он не мог не только облегчить чужих страданий, но и сам, во многом, становился их причиной. А дальше, за стандартными приветствиями последовали сухие обсуждения, куда отправиться для переговоров, в результате которых они поехали в ресторан сеньора Фернандеза. Сам отец Яреци не ответил на звонок, но дяде удалось договориться с его официальной или не очень женой, что та в скором времени подъедет забрать урну с невеликими останками молодой девушки, чья жизнь оборвалась слишком резко и рано, оставив всех окружающих в недоумении, как такое вообще могло произойти.

По дороге до ресторана Джун и Тору практически не разговаривали, словно набираясь сил перед сложным для них обоим моментом. Который не заставил себя долго ждать, стоило им переместиться в пустующий кабинет управляющего. Как мог, Джун рассказал дяде о случившемся и передал кулон, согласно последней просьбе Яреци, услышав в ответ бесцветное "я понимаю". И только когда бывший муж погибшей девушки ушел куда-то в район зала, позволил себе выругаться, хотя бы таким незамысловатым способом выплескивая накопившиеся эмоции. А после, понимая, что не сможет ждать приезда мадам Денев, если он правильно расслышал фамилию, рядом с дядей или в этом пустом кабинете, оставил урну на столе и отправился в расположенный рядом кабинет брата, которого со всей этой кутерьмой даже не догадался предупредить о своем появлении в Японии.

Сэтоши Мотидзуки

Сеньор Фернандез больше не появлялся в ресторане, и молодому человеку удалось замять несколько конфликтных ситуаций с клиентами. Мако спрашивала у него, что случилось с начальником, но Сэтоши молчал, сказав, что это не ее дело. После скандала три человека уволились, и Сэтоши не знал, как именно надо поступить.

Потому что у него были завязаны руки, он не был хозяином, да и не стремился к этой роли, и если лн мог принять на работу официантов, то с поварами дело было сложнее. Сэтоши когда-то давно пытался поработать поваром, но у него ничего не вышло. Да и не знал он всех тонкостей приема на работу поваров. Да и вообще, он был всего лишь финансистом.

Но как раз сегодня на работу пришла Юлиана, сообщившая, что сеньор Фернандез заболел и попросил ее вернуться на работу. Сэтоши на правах начальника пошел вместе с ней на кухню и отругал поваров за грязь на рабочих местах. Потом оставил Юлиану командовать и вернулся работать, думая, как быть дальше. Сеньора Денев ему сказала, что скоро должен будет приехать его брат и привезти прах Яреци. От этого по спине Сэтоши прошел холодок, и он кивнул. Представить, что этому человеку скоро придется держать урну с прахом своей дочери, было очень сложно. И это вызывало желание по приезду домой не ругать Рэна, а обнять его и разговаривать с ним. И никогда не отпускать. Потосу что даже смерть деда была для него трагедией, а тут сын...

Шаги отвлекли его от неприятных мыслей, и молодой человек встал с кресла и потянулся. Подошел к двери и, открыв ее, увидел на пороге брата.

- Джун, - проговорил он. - Проходи. У меня тут особо негде сидеть, но, - Сэтоши осекся. Нет, скорее всего, в кабинет начальника идти не надо. Там наверняка стоит урна. - У меня не такой диван, как у начальника, но ты поместишься. Ты как? Как дядя?

Наверное, это были не те вопросы, которые стоит задавать брату, приехавшему только сейчас, но вся эта ситуация была настолько странной и даже страшной, что не было правильных вопросов. Сэтоши включил чайник и достал две чашки.

Джун Мотидзуки

Так уж получилось, что последний раз Джун заглядывал в кабинет брата еще до своей свадьбы с Доминикой. И, к сожалению, сейчас он не мог искренне порадоваться этому событию и рассказать Сэтоши о своей спокойной и сытой семейной жизни. Если он вообще был в состоянии рассказать что-то связанное, в чем младший из братьев Мотидзуки сильно сомневался. Но раз уж он пришел в гости к Сэтоши, впустившему его еще до того, как Джун успел постучать в дверь, стоило взять себя в руки и постараться не изображать ноющего слизняка, временами раздражающего его самого.

- Да ничего, я размещусь. - Джун бы не отказался сейчас и просто постоять, лишь бы ему не пришлось раньше времени возвращаться в кабинет управляющего и снова смотреть на "груз", кажущийся до безобразия тяжелым отнюдь не из-за своего реального веса. - Я - бывало и лучше, - молодой шаман коснулся начавшей пробиваться на подбородке щетины, которую он обычно не позволял себе носить больше пары дней подряд. - А дядя... Ты же его знаешь. Судя по его чрезмерной сдержанности и отстраненности, там все совсем плохо.

Мотидзуки Тору, если не брать редкие эмоциональные вспышки, предпочитал прятать свои чувства за суровой оболочкой. Но даже так для внимательного

наблюдателя он оставался вполне себе человеческим, чего нельзя было сказать о его нынешнем состоянии. И пусть дядя явно не винил его за произошедшее, сам Джун плохо представлял, как теперь смотреть ему в глаза. Что же до Кимико, с этой, всегда симпатизировавшей ему малышкой, ее непутевый двоюродный брат не рискнул бы даже увидеться после того, как не смог спасти женщину, подарившую ей жизнь.

Сэтоши Мотидзуки

На Джуну было тяжело смотреть, и Сэтоши позволил себе некоторую вольность. Он присел рядом с братом и, пока чайник кипел, ничего не говорил, лишь крепче обнимая его одной рукой. Сам Сэтоши до сих пор не мог понять, да и если быть откровенным, понимать не хотел, что пришлось пережить не только сеньору Фернандезу, но и Джуну, который иногда общался с Яреци, или дяде, который любил ее. Для Сэтоши Яреци была всего лишь дочерью начальника, с которой он виделся пару - тройку раз. Но все равно ему было обидно, что так получилось.

И если он сам чувствовал какую-то грусть, то сеньор Фернандез был поглощен в этом горе. Сэтоши вспомнил ту дорогу и большой грузовик, и поморщился. Тогда он чуть не сделал глупость, из-за которой страдали бы люди, для которых он был важен. Он мотнул головой. Как раз выключился чайник.

Встав с диванчика, Сэтоши налил чай и поставил чашки на маленький столик. Снова сел рядом с братом и обнял его.

- Да, наверное, я понимаю, - сказал Сэтоши, не представляя, что в этом случае нуно говорить. Наверное, просто помолчать? - Если тебе надо выговорится, я дам тебе плечо, братишка, - Сэтоши крепче обнял брата и потрепал его по волосам, как это делал давно-давно в детстве.

Джун Мотидзуки

Их братскую историю никогда нельзя было назвать простой. Серьезный, погруженный в себя старший брат и любопытный, вечно куда-то лезущий младший. Когда Джун был маленьким ребенком, вроде своего бешеного племянника, он тянулся к Сэтоши, кажущемуся ему взрослым и очень умным. Но чем старше он становился, тем сильнее отдалялся от брата в силу разницы их характеров, чему способствовал и отец, постоянно подчеркивающий достижения младшего и создавая у старшего впечатление, что его любят меньше. Но все эти огрехи отцовского воспитания и их последствия Джун осознал только тогда, когда вырос, упустив возможность построить с братом доверительные отношения, поэтому сейчас, оказавшись в роли утешаемого, чувствовал себя немного неловко, плохо представляя, как на все это реагировать.

- Какой ты стал ласковый, - не удержался от легкой улыбки Джун, не став отстраняться от обнявшего его родственника. - Да и вообще сильно изменился. - Младший из братьев Мотидзуки чуть было не ляпнул "заметно вырос", но вовремя успел себя притормозить. Пусть он и не планировал намекать на рост Сэтоши, с учетом их разницы, составляющей более десяти сантиметров, подобная фраза могла звучать, как издевательство, пусть у него и в мыслях не было задеть человека, искренне желающего ему помочь.

- Бабушка бы убила за чай на скорую руку. - Жест брата, от которого Джун за прошедшие годы успел отвыкнуть, помноженный на появившиеся на столике чашки, вернул молодого шамана в те годы, когда негибавшая Мотидзуки Чиёко собирала внуков, включая постоянно живущего с ней в одном доме Рюичиро, в свой "чайной" комнате и учила их правильно относиться к этому важнейшему для нее напитку. И, пожалуй, эти детские воспоминания стали лучшей альтернативой разъедающим мыслям о смерти Яреци и его собственной роли во всем произошедшем, за что Джун уже был готов от души поблагодарить Сэтоши, с которым еще толком не успел завязать разговор.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши всегда был другим. Наверное, он получил что-то от матери, той самой, которая бросила его и отца, а потом написала в газете The Gardian что отец выгнал ее потому что их сын погиб. Или не это было написано. Он точно не помнит, но вроде бы в день спектакля, который посетил очень давно, где главную роль исполняла мать, прочитал какое-то интервью. После этого Сэтоши Мотидзуки навсегда вычеркнул мать из своей жизни. Но он так и не смог стать одним из Мотидзуки. Он сильно отличался по многим параметрам, но теперь он счастлив. И счастлив видеть брата, по которому соскучился.

- Бабушка пыталась, но у нее ничего не вышло, - усмехнулся молодой человек, отпивая чай. - Но очень долго мне напоминала, как правильно нужно заваривать чай. А как тут остаться на церемонию, когда на работе бардак?

Сэтоши снова отпил чай.

Джун Мотидзуки

Так уж сложилось, что он сам больше времени общался не с бабушкой, а с дедом, увидевшим в младшем внуке потенциал, а потому потратившим на него немало времени, обучая работе с деревом. Так что чайное искусство если кому и могло передаваться, то только Сэтоши. Но, видимо и его старший брат предпочитал не тратить на подобные изыски много времени, особенно сейчас, когда его загруженность работой оставила на лице явный отпечаток усталости.

- Понимаю, - кивнул Джун, прикидывая, какой бардак должен был твориться в ресторане после того как сеньор Фернандес узнал о смерти единственной дочери. - Все на тебе теперь?

Обсуждать вопросы, касающиеся работы Сэтоши, было намного проще, чем думать об урне с прахом, оставшейся в кабинете управляющего, и необходимости в скором времени передать ее, пусть и через посредника, убитому горем отцу. Поэтому Джун не придумал ничего лучше, нежели переключиться с себя на брата и его проблемы, связанные с необходимостью везде и все успевать.

- Может вечером попробуем немного расслабиться? А уже звонил Ичи и договорился заглянуть в гости к нему и его девушке. Не думаю, что Маргарита-сан будет против, если мы пойдем вместе.

Джун знал о рабочих отношениях, связавших его брата и его лучшего друга, предполагающих определенный тип общения, но сейчас он не видел ничего страшного в небольших совместных посиделках начальника и подчиненных, поскольку алкоголь легко стирал статусы и хотя бы на время превращал малознакомых людей в неплохих приятелей.

Сэтоши Мотидзуки

- У нас есть крутой повар, которая вернулась, хоть и в декрете еще. Поэтому хоть на кухне я могу не быть. А так да, проблем стало много. Особенно после того, что три человека уволились. Сеньор Фернандес пока еще вроде бы об этом не знает, но это неизбежно, - усмехнулся молодой человек, все также продолжая обнимать брата.

Джун так и не притронулся к чаю, и Сэтоши не стал настаивать. Вероятно, не чай был нужен молодому человеку, а общение. Или что-то другое. Напиться.

Собственно, Джун и предложил напиться, но Сэтоши эта идея не понравилась. Потому что у Ичиро и Соры завтра рабочие дни. А если они не выйдут, то будет совсем тяжело. Тогда останется на кухне одна Юлиана и пара заготовщиков, а в зале будет только один Накано. Да и плевать. Сэтоши не имеет права запрещать сотрудникам пить.

- Да почему нет? - Задумчиво произнес Сэтоши. - Наши сотрудники не имеют права напиваться здесь после одного давнего случая. Это приказ сеньора Фернандеса. Но никто не запретит нам напиться где-то в другом месте. Только я не особо пью, да и ты ведь помнишь, как я не люблю большие и шумные компании. А Рита меня отпустит, не переживай.

Сэтоши улыбнулся брату своей самой обаятельной улыбкой и допил чай.

Джун Мотидзуки

- Да, тебе не позавидуешь, - искренне посочувствовал Джун, одновременно с этим сетуя на недалекость отца, не разглядевшего потенциал старшего сына. Сэтоши воплощал собой стабильность и ответственность, явно приготившиеся бы компании, в то время как он сам предпочитал постоянные эксперименты, что заметно снижало ценность его способностей, на которые Мотидзуки Шотаро в свое время сделал ставку. И вот сейчас, прогадав, финансовый директор остался без очевидных приемников, которым некогда так стремился передать накопившиеся за многие годы успешной работы знания.

- За Ичи можешь не переживать, - Джун обратив внимание, что чашка брата уже успела опустеть, в то время, как он сам еще не притронулся к своей. - Даже если он выпьет столько же, сколько все остальные присутствующие вместе взятые, наутро будет свеж, бодр и готов идти на работу. - После того, как молодой шаман узнал о способности друга превращаться в тануки, нездоровая устойчивость Сакаи к алкоголю заиграла новыми красками. Но что бы не являлось причиной подобной уникальной особенности организма, за работоспособность Ичиро после обильных возлияний можно было не переживать. И это делало его очень ценным сотрудником, особенно в сложившейся ситуации.

- Вот и славно, - кивнул Джун, все-таки берясь за свою чашку и находя предложенный чай вполне приличным. - Специально напавать мы тебя не будем. Как только ты разберешься с делами и я дождусь мадам Денев...

Непроизвольно вернувшись к болезненной теме Джун снова помрачнел и замолчал, сосредоточившись на переливании чая из чашки в свой организм. Все его попытки убежать от неприглядной реальности ни к чему не приводили. И разговор с братом или детские воспоминания никоим образом не могли перечеркнуть причины, по которым он вернулся в Японию раньше, чем планировал это изначально.

Сэтоши Мотидзуки

- Да ничего, я уже привык. Здесь, если честно, интереснее, чем в нашей семейной компании, - сказал Сэтоши, усмехнувшись. - Но я даже не думал, что сеньор Фернандез начнет меня брать на все разные мероприятия и готовить к должности заместителя управляющего. Ведь в нашей семейной компании я был рядовым сотрудником.

Сэтоши представил, что было бы сейчас с ним, если бы тогда он не познакомился с Маргаритой. Эта рыжеволосая девочка запала в его душу, с самого первого взгляда, еще тогда, в церкви, когда была свадьба дяди и Яреци. Судя по всему, сейчас Сэтоши работал бы простым бухгалтером, у него бы не было никаких перспектив. Отец или кто-то еще нашел жену, чтобы была выгодная партия, и он бы жил как большинство людей. Скучно и однообразно.

Джун снова коснулся болезненной темы, и молодой человек пожимающе кивнул. Хотя он при любом желании не мог понять, что чувствует брат. Ведь он был знаком с Яреци, он привез ее прах сюда.

- Может, поговори с кем-нибудь об этом. Я постараюсь даже не перебивать.

Хотя, судя по тому, что Джун позвонил своему другу и не позвонил брату, пропасть между ними все-таки очень большая. Вряд ли Джун будет делиться с ним своими ощущениями, ведь не всем можно поделиться с братом. Да и не были они настолько дружны, чтобы делиться своими ощущениями.

- Но, если тебе тяжело и ты не хочешь это рассказывать мне, я пойму. Думаю, через часик я освобожусь и могу отвезти тебя к Ичиро. Мадам Денев знает, что, - он задумался, - надо забрать из кабинета сеньора Фернандеза.

Джун Мотидзуки

- Это хорошо, что ты нашел свое место. - Джун в несколько больших глотков опустошил чашку и вернул ее на столик. - Мы имеем право жить так, как посчитаем нужным. - Когда ему было лет двадцать младший из братьев Мотидзуки и сам представить себе не мог жизни, не связанной с семейной компанией, а вот сейчас уже не мыслил себя вне монастыря, того мира, что он отрыл и, главное, без Доминики, ставшей для него "маячком", позволяющим всегда возвращаться домой и снова становиться тем обычным Джуном, к которому все привыкли.

- Не уверен, что могу это как-то описать. - Молодой шаман оценил попытку брата

стать для него "жилеткой", но он действительно плохо представлял, с чего именно начать, учитывая количество накопившихся мыслей и чувств, находящихся сейчас в полнейшем хаосе. - У меня в голове до сих пор не укладывается, что нечто подобное могло произойти. И знаешь, несколько раз мне приходило в голову связаться с Яреци, но не думаю, что когда-нибудь на это решусь. - Джун привык к постоянному присутствию духов и, за последние годы, узнал немало шокирующих вещей, но, пожалуй, страх услышать девушку, которую он не смог спасти, невозможно было сравнить ни с чем, испытываемым во время шаманских практик.

- Нет, я должен передать урну сам, - отрицательно покачал головой Джун на предложение брата. - Это мой долг. Я не смог ничего сделать, чтобы Яреци осталась жива, поэтому обязан хотя бы это довести до конца. А потом уже с чистой совестью напиться.

Последний раз Джун злоупотреблял алкоголем еще до знакомства с погибшей девушкой, но сейчас он был готов забыть о данном себе обещании не пить много в компании Сакаи, надеясь, что подобные эксперименты с организмом с учетом его способностей не приведут к серьезным последствиям.

Сэтоши Мотидзуки

- Да, для этого пришлрсь поссориться с отцом. Хотя благодаря этому мы стали с ним лучше понимать друг друга. - Сэтоши улыбнулся. Веселое время было, особенно если посмотреть сейчас, через несколько лет. Вся эта ситуация была абсолютно абсурдной и лишённой смысла. Хотя смысл был. Точнее есть сейчас смысл.

Джун не мог рассказывать все, и молодой человек не стал на него давить. Все-таки это не та тема, о которой можно говорить, поэтому Сэтоши ограничился только дружественным похлопыванием по плечу.

- Если она с тобой связаться не хочет, то не надо самому ворошить этот улей. Я в твоей способности мало что понимаю, но мне кажется, что лишний раз не стоит ничего делать.

Сэтоши тоже мало что знал о жизни Яреци, но почему-то подумал, что если бы она не хотела так заканчивать свою жизнь, то наверняка бы преследовала живых. Дядю и сеньора Фернандеза. Но этого вроде нет.

Он не успел додумать свою мысль, как в коридоре послышались шаги, остановившиеся у его кабинета. Через мгновение раздался стук в дверь. Сэтоши встал с диванчика, поправил галстук и буркнул "входите". Дверь открылась, и на пороге показалась мадам Денев. Сэтоши вежливо кивнул ей.

- Как сеньор Фернандез? - Спросил он.

- Держится. У него поднялась температура, он несколько дней побудет дома.

- Да. Вот, это мой брат, Джун. Я не помню, вы знакомы или нет, но он... в общем, он должен вам передать урну, - сказал Сэтоши. Это оказалось труднее, чем он думал.

Джун Мотидзуки

- Не знаю, мне временами кажется, что я, наоборот, делаю слишком мало. - Лишний раз плакаться на тему своего бессилия Джуну не хотелось. Он и так уже измучил своим мрачным видом переживающую за него Доминику. Не хватало еще, чтобы брат, загруженный бесконечными делами, переваливал на свою голову еще и его проблемы, с которыми человек, имеющий непосредственное отношение к смерти Яреци, должен был разобраться самостоятельно. В каком-то смысле это и стало его наказанием за лишнюю самоуверенность, не оставившую умирающей недалеко от монастыря девушке ни шанса. И, словно иллюстрируя эти его мысли, очередная необходимость совершить волевое усилие и исполнить свой долг не заставила себя долго ждать, появившись в кабинете в лице немолодой женщины, которую он и ждал.

- Добрый день. Мотидзуки Джун, - на автомате заново представился молодой шаман, хоть брат уже и назвал его имя. - Пройдемте в кабинет сеньора Фернандеза. Я должен вам передать...

Больше Джун ничего так толком и не смог сказать, просто проследовав в расположенный неподалеку кабинет управляющего, чтобы покончить с тем, ради чего и возвращался в Японию. Если бы сейчас перед ним была не мадам Денев, не являющаяся прямой родственницей Яреци, а ее отец, он, наверняка, не нашел бы даже силы посмотреть ему в глаза и попросить прощения. А так, Джун просто передал урну с прахом девушки, во многом благодаря которой для него открылся новый мир магии, удивляясь, насколько сухо и формально ему удастся это делать. Словно его личность расщепилась на две части, одна из которых переживала, а вторая просто делала свое дело, как то и требовали от нее обстоятельства. И, к счастью, тактичность мадам Денев, не ставшей задерживаться, позволяя этим частям смешаться, дала Джуну сохранить лицо и только после стандартного прощания прочувствовать, что именно он сейчас сделал, прежде чем на плохо слушающихся ногах вернуться в кабинет брата.
